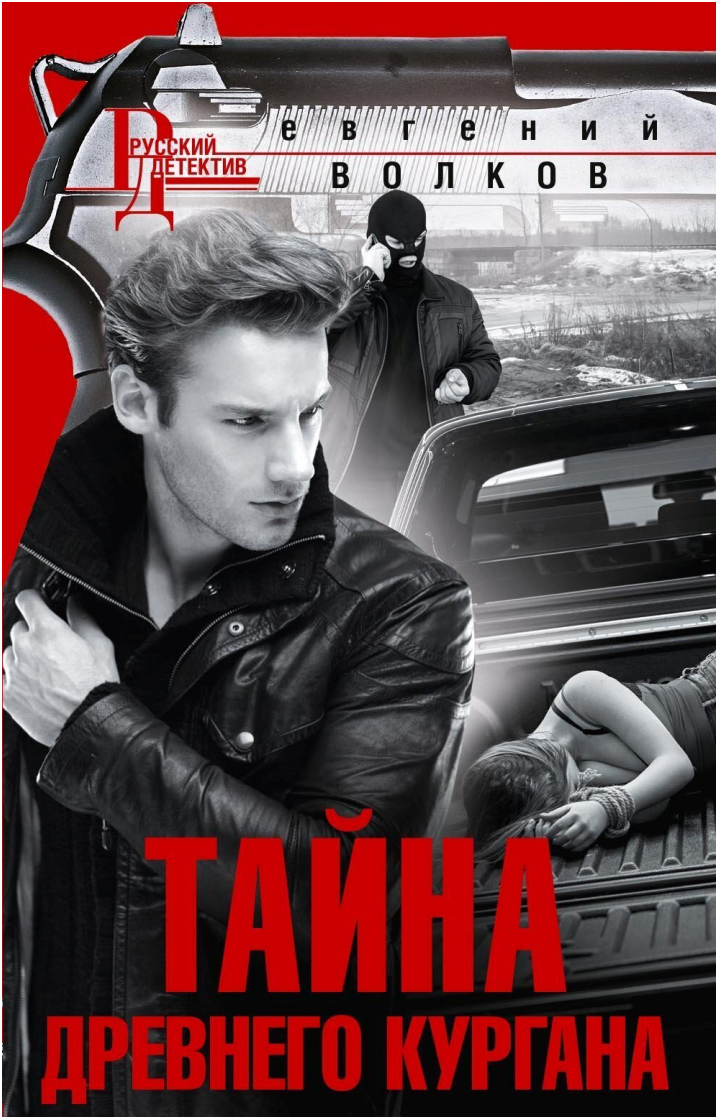
Русский детектив
Евгений Волков
Тайна древнего кургана

Евгений Петрович Волков
Тайна древнего кургана
Серия «Русский детектив»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65643957
Тайна древнего кургана:
ISBN 978-5-227-09573-2

Аннотация

В собственном загородном доме убит профессор университета, археолог. Грабители ничего не взяли, хотя в доме было чем поживиться. А через некоторое время пропала аспирантка профессора, с которой пожилого ученого связывал не только интерес к античной культуре Юга России. Следствие в тупике. Отчаявшийся отец девушки, крупный бизнесмен с большими связями, обращается к подполковнику спецслужбы в отставке Сергею Леонидовичу Сошникову. Ему предстоит распутать весьма хитроумное преступление и затейливые связи, которые тянутся за пределы страны и в прошлое…

Содержание

Пролог 5
1 8
2 16
3 21
4 30
5 44
6 49
7 57
8 62
Конец ознакомительного фрагмента. 69

Евгений Петрович Волков
Тайна древнего кургана

© Е.П. Волков, 2021
© Художественное оформление серии «Центрполиграф», 2021
© «Центрполиграф», 2021

Пролог

Ассирияне шли как на стадо волки,
В багреце их и в злате сияли полки;
И без счета их копья сверкали окрест,
Как в волнах галилейских мерцание звезд.
Словно листья дубравные в летние дни,
Еще вечером так красовались они;
Словно листья дубравные в вихре зимы,
Их к рассвету лежали развеяны тьмы…

Джордж Байрон

«…И взошла над миром вновь кровавая звезда Ассирии, грозной и беспощадной к врагам своим, жестоковыйной и надменной. Сдались ей без боя Сирия и Финикия, и начали выплачивать дань, и выросли на захваченных землях крепости ее, и пал Вавилон, и в страшной битве полегли воины из Урарту, и покорились Тир и Сидон. Плач стоял в Самарии, ибо лучших сынов и дочерей ее увели ассирияне в неволю! И пришли они в земли фараоновы, и покорили Египет, и Лидия с Киликией признали власть великого царя Ашшурбанапала. Но тут с севера, из далеких степей, вторгся в пределы ассирийские народ загадочный и грозный, имя которому гимирру. Быстроногие кони их несутся пред рядами чужих полков, и осыпают они тучами стрел врагов своих, и крушат железными мечами и каменными молотами шлемы и щиты их.

И не устоял под натиском гимирру, иным народам известных как киммерийцы, что значит „северные люди“, богатейший город Сфарда, столица Лидии, воздвигнутый на реке златоносной Пактол. И не помогли ассирийские воины царю лидийскому Гигесу, и пронзен был стрелой он при штурме дворца его, и умер в тот же миг, как умер пред тем правитель фригийский Мидас от стрел гимирру. И великий царь ассирийский Ашшурбанапал поведал с горечью, что кочевники эти не боятся армии его и побеждают полководцев его. А за гимирру вслед пришли из тех же северных степей скифы, и зашаталась, как под ураганом и трясением земли, великая Ассирия, и объединились враги ее, и разом набросились на нее. Рухнули стены Ниневии, и не стало Ассирии, и сгорел в огне дворца царского последний правитель ее…»

Один из киммерийских отрядов возглавлял Сандакш, отважный воин и опытный полководец. В одном из захваченных лидийских городов кочевники захватили и привели к вождю живую добычу – черноволосую и синеглазую красавицу с тонким станом, в дорогих одеждах, с золотыми серьгами и кольцами, украшенными изумрудами и сапфирами. Взглянул на нее Сандакш – и разом потерял голову, словно выпил из глиняного кубка колдовской напиток любви и забвения.

Никто не знал, что нашептывала по ночам в роскошном шатре прекрасная пленница своему повелителю, но стал Сандакш жесток и жаден, стремился завоевывать все новые и новые земли, грабить дворцы и сокровищницы, безжа-

лостно убивал всех, кто пытался оказать сопротивление. Но и дни его собственной жизни близились к завершению…

После падения Сфарды раненный лидийским копьем Сандакш повел свой конный отряд на север. На резвых конях сидели, словно влитые, воины в островерхих шапках, в кожаных куртках, штанах и сапогах. Войско долго шло вдоль берега моря, затем повернуло направо, к знакомой широкой реке. Здесь теперь были земли скифов, вытеснивших киммерийцев из Северного Причерноморья в Переднюю Азию. Золотые и серебряные монеты, браслеты, кольца, кубки, позолоченные доспехи и мечи везли на нескольких повозках, на одну из них положили и умирающего Сандакша. Он сумел дожить до того часа, когда отряд почти добрался до речного берега и остановился для отдыха у подножия невесть кем и когда возведенного в степи кургана. Сандакш велел похоронить его здесь, а потом идти к скифам и влиться в их могучий племенной союз, лишь после этого он навсегда закрыл глаза. Вождя зарыли в глубокую яму на кургане, обложив ее стены срубленными стволами деревьев и оставив богатырю немалую часть добытых в Сфарде сокровищ. А плененная красавица исчезла, как ее и не было на свете…

1

Господин Карл Петерсен, высокий сухопарый блондин средних лет, прибыл в аэропорт Хитроу из Копенгагена рейсом British Airways ранним сентябрьским утром. В молодости он окончил Оксфорд, затем защитил диссертацию, став доктором искусствоведения, но научной карьере предпочел работу в качестве эксперта. И быстро приобрел известность и авторитет. К нему начали обращаться и представители музеев, и частные коллекционеры, люди, как правило, весьма и весьма состоятельные. К сорока годам датчанин превратился еще и в посредника, способного найти для своих клиентов то, что могло представлять для них особый интерес. Зная вкусы и предпочтения заказчиков, Петерсен посещал десятки выставок и аукционов по всему миру, находил подходящие раритеты, проводил предварительные переговоры, иногда сам получал соответствующие полномочия и финансовые средства от покупателей и совершал сделки купли-продажи. Всегда ли он строго соблюдал закон? Оборот нелегального рынка произведений искусства и антиквариата составляет несколько миллиардов долларов, при этом сбыт похищенного или раскопанного является самым сложным шагом. Посредник может зарабатывать миллионы, если он готов рисковать. А Петерсен был готов. В последние несколько лет он зачастил в страны Восточной и Центральной Европы,

а также в Россию. Но именно Англию Петерсен считал своей второй родиной.

На выходе из таможенной зоны его встретил с табличкой в руке пожилой мужчина в светло-коричневом вельветовом костюме и кроссовках. Он представился личным водителем мистера Энтони Винтера, пригласившего Петерсена посетить его резиденцию в старинном замке Вернон-Холл по важному делу, представляющему взаимный интерес.

Мистер Винтер обратился к Петерсену по рекомендации хорошо знакомых тому лиц, достойных доверия и уважения. Короткий предварительный разговор велся по телефону, ничего конкретного сказано не было. Датчанин знал одно: человек, столь лестно отрекомендованный, не стал бы отрывать его от дел по пустякам. Водитель предупредил, что им предстоит долгий путь на север, в Йоркшир, где и расположен Вернон-Холл. В дорогу они отправились на черном кроссовере «Форд-Эксплорер», которым мужчина в вельветовом костюме управлял очень уверенно. Скоростное шоссе было в эти часы не слишком загружено, через два часа они достигли Шеффилда, где и перекусили в уютном итальянском ресторане. За это время водитель не сказал пассажиру ни одного слова, он внимательно смотрел на дорогу и только перед въездом в Шеффилд предложил здесь ненадолго остановиться и перекусить. Господин Петерсен оторвался от электронного планшета и выразил свое согласие. Он был немного заинтригован, где именно находится Вернон-Холл,

но спрашивать ничего не стал. Не доезжая до Йорка, кроссовер свернул на восток, к побережью Северного моря.

Через час после выезда из Шеффилда автомобиль подъехал по узкой грунтовой дороге к старинному каменному зданию, стоящему на вершине холма. Вернон-холл выглядел как настоящий средневековый замок, его массивные двухбашенные ворота были явно построены в норманнские времена, как отметил для себя господин Петерсен. Двухэтажное жилое здание во дворе появилось много позднее, скорее всего, в эпоху королевы Елизаветы. Водитель припарковался возле главного входа. К вышедшему господину Петерсену подошел молодой светловолосый слуга с армейской выправкой. Он улыбнулся и сказал:

– Позвольте приветствовать вас в Вернон-Холле, сэр. Хозяин ждет вас в гостиной.

Слуга проводил гостя в просторную комнату на первом этаже. Мистер Винтер оказался седеющим брюнетом неопределенного возраста, крупного телосложения, с загорелым продолговатым лицом и узкой бородкой. Странными были его глаза разного цвета, они оставались холодными и недобрыми, хотя хозяин особняка улыбался. Могильным холодом повеяло от мистера Винтера на имевшего дело с самыми разными людьми Петерсена, он вдруг вспомнил такой же немигающий взгляд огромного питона из зоопарка в Копенгагене. Мгновенно ужас сковал датчанина, сердце его стремительно забилось, и холодный пот выступил на

лбу. Но тут мистер Винтер вежливо приветствовал гостя, и страх его прошел. Заказчик говорил на английском языке с небольшим акцентом. Господин Петерсен подумал, что настоящее его имя совсем не Энтони Винтер и что родился он не в Англии, а гораздо южнее.

Но это не имело никакого значения и было вполне привычно в бизнесе гостя замка. Мистер Винтер предложил ему тосты и кофе, Петерсен попросил добавить в него немного холодного молока. Он приготовился слушать. Мистер Винтер перешел к делу. Его интересовали античные артефакты.

– Какие именно? – спросил датчанин. – Древний Египет, Вавилон, Финикия, Древняя Греция, Рим?

Хозяин замка отрицательно покачал головой. Нет, совсем нет. Мистер Винтер хотел бы приобрести гораздо более редкие предметы. Сокровища из киммерийских курганов. Был некогда такой кочевой народ. Слышал ли о нем господин Петерсен?

Гость был несколько сконфужен. Да, кое-что он слышал. Но сможет узнать гораздо больше. Что конкретно интересует мистера Винтера?

Ответ был короток – золотые и серебряные кубки, чаши, кольца, короны, оружие. Все, что хранилось в захоронениях знатных людей.

Господин Петерсен сообщил, что постарается найти нужный товар. Ему назвали размер его комиссионных и предоставляемый для сделки кредит. Они впечатляли.

Обговорив детали дальнейших взаимоотношений, мистер Винтер спросил, внимательно глядя на Петерсена:

– Вам ведь приходится общаться в вашем бизнесе с самыми разными людьми, мой дорогой друг?

– Вы правы, – согласился датчанин, – это и владельцы или наследники дорогих коллекций картин и антиквариата, и посредники, и работники музеев и галерей, и искусствоведы, и археологи.

– И ведь иногда заключаемые вами сделки носят криминальный характер, не так ли?

Петерсен кивнул:

– Да, нелегальный вывоз произведений искусства и исторических артефактов из любой страны без соответствующих разрешений является преступлением. А получить разрешение часто невозможно.

– Вы сейчас упомянули проблемы с таможенными службами. Но ведь и ваши поставщики, все эти наследники, посредники и музейные хранители, с виду люди порядочные и законопослушные, тоже порой нарушают и законы, и морально-этические нормы, ведь это так? – уточнил мистер Винтер, чуть улыбнувшись.

– И такое случается, – после некоторой паузы медленно проговорил его гость, – но какое это имеет отношение к нашему соглашению?

Мистер Винтер рассмеялся:

– Видите ли, мой друг, у меня есть маленькое невинное

хобби. Я лично убежден в том, что каждый, подчеркиваю, каждый человек, ну за весьма редким исключением, в глубине души своей порочен и готов к грехопадению, особенно если подвернется случай и ему это ничем не грозит. По крайней мере, в земной жизни. Одни алчны и жаждут денег, другие страстны и не могут жить без наслаждений, третьи завистливы, ревнивы, жадны, мстительны… Список можно продолжить, все грехи человеческие известны уже много тысячелетий. И за каждое подтверждение этой теории я готов платить, как плачу за старинные полотна и древние раритеты. Так вот, если вы в осуществлении своих деловых замыслов сумеете убедить своего контрагента, человека до сих пор достойного всяческого уважения окружающих, не совершившего ничего дурного, пойти на обман, предательство, кражу, убийство или иное преступление, то получите от меня при нашей следующей встрече шестизначную сумму в долларах или в евро, по вашему выбору. Вы меня поняли, дорогой Карл?

– Да, конечно, – ответил Петерсен, – хотя ни с чем подобным мне ранее не приходилось сталкиваться. И потом, как вы сможете проверить, что я действительно это сделал?

– А я поверю вам на слово, – сухо ответил мистер Винтер, – за очень-очень долгое время никому не удавалось меня обмануть, а те, кто попытались, очень потом пожалели об этом. Но мы заболтались, а вам надо торопиться в обратный путь…

К вечеру господин Петерсен вернулся в Хитроу и ночным рейсом вылетел в Копенгаген. Он всю дорогу думал о том, где разыскать столь необычные раритеты. Мистер Винтер решил перечислить кредит для сделки с владельцем киммерийского золота на счет Петерсена на Виргинских островах сроком на один год. Если сделка не состоится за это время, деньги нужно будет вернуть. Датчанин понимал, что его потенциальный покупатель не из тех, кого можно водить за нос. Страшные глаза заказчика не обещали мошеннику ничего хорошего. Но Петерсен никогда и не обманывал подобных людей. Он с годами стал хорошим психологом и научился быстро и правильно оценивать своих партнеров. Его поставщики и покупатели были очень не похожи друг на друга. Одни часами торговались, выбивая высокие закупочные цены или скидки, кичились своими познаниями в произведениях искусства, клялись в подлинности предлагаемых предметов старины. Другие обещали золотые горы, а потом переставали выходить на связь, темнили, пытались сплутовать. Третьи были молчаливы, не поддерживали светский разговор, за ними ощущалась опасность. Мистер Винтер был из последней категории клиентов. Хотел ли он приобрести названные артефакты для себя или выступал в роли посредника? Господин Петерсен этого не знал. Частные коллекционеры редко представляли обществу экспонаты своих личных музеев и галерей. Потому что тогда у правоохранителей могли появиться к ним весьма каверзные вопросы. Зато между со-

бой они могли торговать. Миллионные сделки происходили вдали от чужих любопытных и жадных глаз. Встречались и такие, кто просто любовался на уникальные полотна, римские скульптуры, древнегреческие амфоры и китайские вазы династии Мин. А еще были поклонники оккультизма. Тех интересовали тайны египетских гробниц, мумии, жреческие посохи и жезлы фараонов. Эта часть мирового рынка антиквариата была покрыта пеленой густого тумана. Кем был мистер Винтер – это не важно. Важно то, сколько он готов заплатить.

А вот предложение о склонении к нарушению морально-этических норм и совершению уголовных преступлений, прозвучавшее в йоркширском особняке, тяготило Петерсена. Он сначала с ужасом строил догадки, от кого и с какой целью его получил, но потом решил даже не думать об этом. Хотя если такие действия будут совершены после встреч и переговоров, то почему бы и не заработать на заблудших душах, ведь в криминальном бизнесе продается и покупается любой товар.

2

После встречи в замке Вернон-Холл прошло несколько месяцев. Холостяк Дмитрий Луговской, склонный к полноте флегматичный тридцатидвухлетний программист южноградской компании «СистемсСофт-Плюс», вступил в права наследства одноэтажным частным домом в старой части областного центра на юге России, на углу Лермонтовской улицы и переулка Соколова, в конце апреля. Особняк, построенный еще в позапрошлом веке, достался ему от дальней родственницы, дамы весьма преклонного возраста. Галина Николаевна Воротникова была сестрой давно умершей бабушки Димы по матери, которой тоже уже не было в живых. Отец Луговского оставил семью двадцать шесть лет назад, и следы его затерялись где-то в Европе, то ли в Германии, то ли в Голландии, поэтому Дима жил теперь один в родительской двухкомнатной квартире на севере города, хотя и на окраине, зато всего в квартале от места работы. Дом в центре он решил сдавать, предварительно сделав там косметический ремонт. Воротникову, никогда не бывшую замужем, ее единственный родственник посещал довольно редко, старушка не обижалась – у молодежи своя жизнь, свои срочные дела. Во время редких и краткосрочных визитов Луговской всякий раз словно попадал в далекие семидесятые годы: мебель, старенький телевизор, холодильник, ковры на стене и

на полу, хрусталь, посуда были куплены тогда или даже раньше, в прошлом Галина Николаевна долгое время возглавляла бухгалтерию на машиностроительном заводе и на зарплату свою не могла пожаловаться. Иногда, расчувствовавшись, двоюродная бабушка доставала из книжного шкафа альбом с фотографиями, и они с «любимым внуком Димочкой» смотрели на пожелтевшие снимки, самые старые из которых относились к дореволюционному времени. Дед Галины Николаевны, отец ее матери, в те годы директорствовал в мужской гимназии, сам он, его жена и два сына позднее сгинули в огне Гражданской войны, а дочь вышла замуж за советского инженера-путейца. Дима вежливо выслушивал одни и те же семейные истории, после чего альбом возвращался на полку. Когда ему позвонила медсестра и сообщила, что Галина Николаевна умерла, Луговской взял неделю отпуска за свой счет и организовал скромные похороны престарелой родственницы. В первый день после получения по завещанию покойной всех имущественных прав на дом, он долго ходил по комнате и кухне, придирчиво рассматривал потускневшие обои, потолок с обвалившейся побелкой, скрипящий под ногами и вываливающийся паркет. Нужно было, прежде всего, вывезти старую мебель и бытовую технику, потом заказать знакомым ребятам не слишком дорогой ремонт, а уже потом купить по минимуму – платяной шкаф, раскладной диван, малогабаритную плазму и мини-холодильник. Нужно было уложиться тысяч в сто – сто пятьдесят, в крайнем

случае двести, взять, если потребуется, кредит. Потом затраты окупятся, желающих снять квартиру в областном центре хватало. Книжный шкаф со всем его содержимым, некогда дефицитными и престижными собраниями сочинений Вальтера Скотта, Майн Рида, Александра Дюма, Фенимора Купера, Жюля Верна и Джека Лондона, Дима сначала хотел вывезти на свалку, но потом решил отнести книги на развал на стадионе «Буревестник», чтобы выручить за них хоть какие-то смешные деньги. Эти книги… Когда-то в детстве он читал их с огромным интересом и словно проживал чужие жизни, полные путешествий, приключений, подвигов на полях сражений, рыцарских турниров и мушкетерских дуэлей. Но теперь многие бумажные книги медленно умирали, пылясь на полках магазинов и лотках развалов. Число читателей значительно поубавилось, а те, что остались, предпочитали все больше электронные или аудиоверсии. Как это удобно – можно готовить ужин, вязать, ремонтировать квартиру или ловить рыбу, а при этом искусный чтец неторопливо озвучивает тебе через наушники очередной бестселлер. Вот и эти старые ковры, мебельная стенка, вместительный и надежный холодильник… Время их безнадежно прошло, они стали похожи на скелеты динозавров, бесконечно далекие от потребностей сегодняшнего дня. Так исчезли из повседневной жизни видеомагнитофоны и видеокассеты, пятидюймовые диски, катушечные плейеры, фотоаппараты-мыльницы и множество других вещей, век которых оказался весьма ко-

роток. Впрочем, кое-кто все еще предпочитал печатные издания.

Сложнее было с дореволюционными газетами и журналами, такими же пожелтевшими и выцветшими, как фотографии из семейного альбома. Альбом Луговской еще раньше забрал в свою квартиру, выбросить рука не поднялась. А вот прессу более чем столетней давности собирался отправить в мусорный бак возле соседнего многоэтажного дома. Но вчера, читая в Интернете городские новости, Дима случайно наткнулся на объявление областного историко-краеведческого музея. Музей скупал у населения для своей новой экспозиции старые газеты и журналы. Пожалуй, необходимо найти время и передать туда эту часть полученного наследства. Ведь Галина Николаевна хранила их, а значит, ей было бы неприятно, если бы наследник уничтожил ветхие свидетельства былых времен. Луговской посмотрел на часы. Пора домой, ночевать в особняке он не собирался. Родовое гнездо, чудом уцелевшее после сноса своих ровесников, одиноко стоящее рядом с многоэтажными современными высотками, превратилось в источник дохода для последнего потомка живших тут когда-то людей. Да и дни его были сочтены. Рано или поздно найдется застройщик, который захочет построить здесь небольшое кафе, цветочный киоск или парфюмерный магазин. Потому что место бойкое, вокруг много жилых домов, офисов, магазинов. Эти новые объекты скоро окупятся и начнут приносить прибыль. Поэтому старый

особняк обречен. Просто кто-то должен проходить мимо. И остановиться, присмотреться, задуматься, принять решение.

И тогда экскаватор снесет старые стены, помнящие былые годы и былых людей, давно упокоившихся на городских кладбищах. Дмитрий решил, что вечером он обязательно откроет альбом с фотографиями и постарается вспомнить истории тех, кто был на них запечатлен. Ведь человек окончательно умирает лишь тогда, когда о нем все забывают.

3

Дачный поселок за городом построили за полгода до очередного мирового финансового кризиса. Цены на коттеджи, как и на недвижимость в целом, сразу же после этого печального события начали резко снижаться, постепенно появились первые покупатели: чиновники и менеджеры среднего звена, врачи коммерческих клиник, риелторы, рестораторы, несколько профессоров местного университета. Поселок был довольно удачно расположен – от границы города всего пять километров, рядом только березовая роща и небольшая речушка, никаких промышленных предприятий, железных дорог, животноводческих ферм и песчаных карьеров. Конечно, проходившее совсем близко шоссе доставляло определенные неудобства, но от шума автомобилей жителей защищала плотная лесополоса по всему периметру. Некоторые приезжали в поселок на выходные, другие жили здесь постоянно – прекрасная экология, до работы добраться можно быстрее, чем из иных городских микрорайонов с густонаселенными многоквартирными зданиями и дефицитом парковочных мест. Здесь с ранней весны до поздней осени можно было жарить перед домами шашлык и потом лакомиться им под красное сухое вино или дорогой коньяк, приглашать на пикник родных и друзей, загорать или просто дышать чистым воздухом в шезлонгах, прогуливаться неспешно по по-

сыпанным гравием дорожкам, снимая накопленную за день усталость. За два-три года все коттеджи раскупили, их хозяева знали друг друга, вежливо здоровались при встрече, на общих собраниях обсуждали необходимость закупки уличных светильников или дизельных генераторов. Только вот в гости друг к другу не ходили, в элитном дачном поселке это было не принято, у каждой семьи – своя частная жизнь, свои отношения, свои тайны. На въезде постоянно находилась охрана из ЧОПа, каждые два часа дежурный обходил всю территорию. Со дня заезда первой семьи происшествий криминального характера не было, как и пожаров или каких-либо несчастных случаев. Охранники дежурили одни и те же, меняясь через двенадцать часов. Они привыкли к тому, что ничего чрезвычайного на этой территории, в этих респектабельных домах произойти не может. А зря. Хорошая охрана должна быть готова всегда к самому непредвиденному, к самому худшему. Неплохо было бы, как это делается в армии, полиции или МЧС, проводить внезапные ночные учения, имитируя налеты или возгорание жилых строений, но ничего подобного не предпринималось. Если понаблюдать из скрытной позиции в мощный морской бинокль, то порядок несения службы сотрудниками ЧОПа становился понятен и предсказуем. Именно этим несколько часов и занимался мужчина, вышедший как-то днем на ближайшей к поселку остановке из рейсового автобуса, направлявшегося из областного центра в районный, и затем притаившийся в

роще. Вечером он вернулся в город, а в половине четвертого утра серебристый автофургон остановился на обочине шоссе, метрах в ста от невысокого кирпичного забора поселка. Апрельская теплая ночь близилась к концу, предрассветные часы недаром издавна называют на флоте «собачьей вахтой», потому что большинству людей в такое время очень хочется спать. Это относится и к морякам, и к армейским караульным, и к охране зданий и сооружений, несущей круглосуточное дежурство. Хорошо знают об этой особенности человеческого организма и преступники-рецидивисты. Водитель фургона поглядел на сидевшего рядом с ним, тот бросил взгляд на светящийся циферблат часов и сказал только одно слово:

– Пора!

Оба надели резиновые перчатки, водитель прихватил с собой монтировку, потом мужчины вышли из автомобиля и быстро двинулись к невысокому кирпичному забору, легко перебрались через него и подошли к ближайшему дачному коттеджу, тоже кирпичному. Пассажир автомобиля внимательно проверил вход в дом и не обнаружил ни видеокамеры, ни признаков сигнализации. Коттедж выглядел безжизненным, вокруг стояла полная тишина. Водитель снова глянул на пассажира, тот молча кивнул, и они взошли на крыльцо. Пассажир достал из висящей у него на плече сумки связку металлических предметов, похожих на ключи, и электрический фонарик, который протянул водителю. Через несколь-

ко секунд яркий и узкий луч осветил дверь коттеджа, пассажир немного повозился, и дверной замок сдался его опыту и профессиональному инструменту. Грабители вошли в дом, и тут случилось то, чего они никак не ожидали: внезапно вспыхнул свет, и им навстречу выбежал из спальной комнаты немолодой, но еще крепкий с виду мужчина в пижаме с пистолетом в руке. Реакция водителя была молниеносной: он ударил старика монтировкой в висок, тот вскрикнул и рухнул на пол, где остался лежать во вновь наступившей тишине. Пассажир нагнулся над упавшим, взял выпавшее на пол оружие и заметил с усмешкой:

– Травматика, на близком расстоянии штука весьма опасная, ты все сделал правильно.

Его напарник грязно выругался и воскликнул со злостью:

– Но ведь хозяина не должно было здесь быть!

Второй мужчина прижал палец ко рту и прошептал:

– Тише, тише, что-то изменилось, потом уточню. Ты его завалил намертво, больше не встанет. Надо приступать.

Они выключили в прихожей и спальне освещение, прошли в большую комнату, где стоял у окна письменный стол с компьютером и принтером и разложенными общими тетрадями и блокнотами. Пассажир просмотрел их при свете фонарика, порылся в не закрытых на ключ ящиках стола, оглядел внимательно книжную полку на стене. Потом он недоуменно пожал плечами и тоже еле слышно выругался. Водитель нетерпеливо обратился к пассажиру:

– Ну что, нашел?

Напарник покачал головой:

– Нет, этого здесь нет.

– Что будем делать?

– Уходить, и поскорее.

– Нас что, просто кинули и развели, как последних лохов?

– Не думаю, но что-то пошло не так. Разберемся.

Через пять минут автофургон резко набрал скорость и помчался по утреннему шоссе в сторону города. А еще через час с небольшим охранник дачного поселка, совершая плановый обход территории, увидел, что входная дверь коттеджа профессора Свиридова приоткрыта. Он поднялся по ступенькам крыльца, несколько раз громко позвал хозяина и лишь потом вошел в дом. Совсем скоро дежурному городского УВД поступило по телефону сообщение об убийстве заведующего кафедрой исторического факультета Южноградского университета, и в поселок срочно выехала следственно-разыскная бригада. К этому времени серебристый автофургон уже стоял в панельном гараже, а сами грабители спокойно спали, словно и не было той недавней непредвиденной встречи, стоившей жизни известному ученому.

Глава криминальной милиции города полковник Усольцев вызвал в свой кабинет начальника отдела по расследованию убийств Сергеева ближе к вечеру.

– Доложите ситуацию по делу покойного профессора Сви-

ридова, – коротко попросил он.

Сергеев, немногословный полный шатен средних лет, начинал когда-то службу в уголовном розыске под руководством Усольцева, они давно и хорошо знали друг друга.

– Пока мы мало что успели сделать, товарищ полковник, – ответил он.

– Вот об этом и доложите, – усмехнулся начальник.

– В соседних коттеджах ничего не слышали, охрана тоже все проспала. В доме найдены отпечатки пальцев нескольких человек, сейчас по ним работают. Возможно, это банальное ограбление, такие уже случались этой весной. Но без убийств. У Свиридова было много друзей и знакомых, покойный овдовел несколько лет назад. В городской квартире проживал вместе со взрослым сыном, часто наезжал в коттедж, иногда оставался ночевать.

– Понятно, Александр Александрович, – кивнул Усольцев. – Час назад мне звонил ректор университета. Погибший был крупным ученым, можно сказать, с мировым именем. Так что уделите расследованию самое пристальное внимание и возьмите под личный контроль. Понимаю, что говорю вам банальные вещи, но положение обязывает.

– Будет сделано. Разрешите идти?

– Иди, майор. Я на тебя надеюсь.

Сергеев вышел из кабинета и направился к своим операм. Если коттедж ограбили заезжие налетчики, то найти их будет непросто. Для начала необходимо было выяснить, что имен-

но было похищено. А значит, нужно разыскать и привезти в поселок всех тех, кто ранее бывал в гостях у покойного профессора. Судя по записям охранников, таких оказалось немало.

Старшему лейтенанту Игорю Полякову Сергеев поручил заняться поиском свидетелей ночного налета. В коттеджном поселке таковых не нашлось, все спали, ничего не слышали. Поляков нашел в Интернете карту прилегающей к нему территории. Шоссе отделяло поселок от липовой рощи. За ней южнее находился хутор Камышовый, западнее – пгг Зайцево. Больше в радиусе пяти километров никаких населенных пунктов не было. Поляков начал обход домов и опрос жителей с Зайцево. Построили его еще в пятидесятые годы прошлого века для инженеров и рабочих теплоэлектростанции, здания в Зайцево были пятиэтажные, панельные. Поляков потратил на обход три дня, люди вежливо его выслушивали и в ответ пожимали плечами. Но в последний день старшему лейтенанту повезло. Пенсионер Виктор Иванович Луценко, коренастый загорелый старик лет семидесяти, в выцветшей ветровке и физкультурных шароварах, сообщил, что вечером перед убийством он шел от остановки рейсового автобуса к себе в поселок через рощу. И видел за большим деревом незнакомого мужчину. Одет тот был в джинсовый костюм, о возрасте и внешности незнакомца Луценко ничего сказать не мог, так как стоял тот к нему спиной и лицом к коттедж-

ному кооперативу. Виктору Ивановичу, в прошлом стрелку ВОХР, показалось, что мужчина за кем-то следит. Больше он его не встречал.

– Так, может быть, он был ваш, из Зайцево? – уточнил Поляков.

– Нет, – уверенно заявил пенсионер, – нашего бы я сразу узнал, хоть спереди, хоть со спины. Да и в джинсах в Зайцево никто не ходит. Чужой это был, городской.

На хуторе старший лейтенант нашел еще одного важного очевидца событий той трагической для покойного профессора Свиридова ночи. Сергей Кулаков, двадцатипятилетний зоотехник, возвращался в четвертом часу с рыбалки домой со стороны Южнограда. Километра за три до автобусной остановки двигатель его мотоцикла с коляской заглох. Кулаков выругался, встал с сиденья и при свете луны стал искать причины поломки. Провозился он с полчаса и уже собирался продолжить путь, когда мимо в сторону города проехал на большой скорости автофургон. Зоотехник не разглядел ни марки грузового автомобиля, ни номера, ни цвета.

– Вроде серый, а может, и нет, – сокрушенно сказал он. – Темно было.

– И на том спасибо, – искренне поблагодарил свидетеля Поляков.

Его доклад начальник убойного отдела выслушал с большим вниманием. Получалось, что, скорее всего, за котте-

джем профессора кто-то следил. Но тогда почему он или они были так уверены, что Свиридов отсутствует? Преступники редко грабят дома, если там находятся хозяева. Тем более, если рядом находятся соседи и охрана. Что касается автофургона, то он мог не иметь никакого отношения к налету и убийству. Хотя проезжал примерно в то самое время, когда они произошли.

Несколько коллег Свиридова побывали в коттедже. Они дали показания, что ничего ценного с первого взгляда похищено не было. Несколько дорогих картин, ноутбук, телевизор с плазменным экраном, проигрыватель для виниловых дисков – все было на месте. Возможно, имело место заказное убийство? Но заведующий кафедрой исторического факультета – не бизнесмен, не журналист, не преступный авторитет. Кому он мог не угодить? Сергеев не представлял пока что, где искать ответы на все эти вопросы.

4

Военный пенсионер Сошников, коротко подстриженный по старой армейской привычке шатен среднего роста, худощавый и мускулистый, смотрел погожим майским вечером по телевизору футбольный матч российской премьер-лиги, когда его мобильник заиграл лунную мелодию «Пинк Флойд». Номер звонившего был отставному подполковнику неизвестен, он переключил трубку на прием и услышал хрипловатый мужской голос:

– Сергей Леонидович?

– Так точно. Слушаю вас.

– Беспокоит Юрий Петрович Лопатин. У нас есть в Москве общий знакомый, Павел Игоревич Григорьев, помните такого?

– Конечно. Чем могу быть полезен, Юрий Петрович?

Лопатин ответил не сразу, видимо, подбирая нужные слова:

– Беда у меня случилась, Сергей Леонидович, большая беда. Пропала без вести в центре города дочь, аспирантка Южноградского университета. Вся надежда на вашу помощь, не откажите.

– Где вы сейчас находитесь?

– В гостинице «Юбилейная», прилетел вчера из Внуково. Мы с женой живем в столице.

– Приезжайте. Диктую адрес.

Закончив разговор, Сошников положил свой старенький самсунг на стол и подошел к открытому окну «гостинки». Год назад он уволился в запас в возрасте сорока восьми лет, начав офицерскую карьеру ротным замполитом после окончания военно-политического училища, а завершив в одной из закрытых организаций, именуемых спецслужбами. За пять лет до «дембеля» Сошников по-хорошему расстался с женой, которой надоели дальние гарнизоны, бессонные ночи в тревожном ожидании срочно выехавшего куда-то по приказу мужа и вся их беспокойная и не поддающаяся никакому планированию жизнь. Накопленных средств подполковнику хватило на покупку малогабаритной однокомнатной квартиры в Южнограде, к военной пенсии добавилась зарплата сотрудника отдела безопасности машиностроительного завода, и наступило для Сергея Леонидовича время спокойное и размеренное – работа с девяти утра до шести вечера, рыбалка и посещение нового футбольного стадиона по выходным, да еще перечитывание классической литературы, полюбившейся с давних школьных лет. Особенно радовал тот факт, что можно стало высыпаться по ночам, не ожидать в любой момент срочного вызова и необходимости по несколько суток находиться на ногах. Жизнь вообще стала похожей на непрекращающийся выходной или бессрочный отпуск, нынешняя работа ни в какое сравнение не шла с прежней, полной нагрузок как физических, так и умственных. Сейчас он

отвечал только за ограниченный список обязанностей, все зависело только от него самого. В прошлом было иначе. С первых же дней офицерской службы Сошников столкнулся с людьми – солдатами, сержантами, прапорщиками, офицерами и служащими Советской армии. У каждого из них были свои особенности характера и биографии, манеры общения и темперамент, свои сильные и слабые стороны. Часто невозможно было предвидеть, как поведет себя человек в той или иной ситуации, что можно от него ожидать. Однажды ему пришлось успокаивать солдата, который получил письмо от давно овдовевшей матери, живущей за несколько тысяч километров от воинской части.

Местное начальство собиралось забрать у нее участок земли, который потребовался работавшему водителем директора совхоза соседу. Мать с горечью писала, что никто ее не защитит, никому она не нужна. Сын переживал, просил десятидневный отпуск, чтобы съездить и разобраться во всем, можно было только гадать, чем бы такая поездка закончилась. Сошников попросил парня потерпеть немного, обещал помочь. Тот согласился. Однако как он мог помочь в такой вот непростой ситуации? Молодой офицер растерялся, но выход подсказали опытные политработники. Сошников направился на почту, заказал разговор с начальником военкомата того района, откуда призывался солдат. И незнакомый ему майор пообещал, что вопрос решит. И не подвел – через несколько дней мать сообщила сыну телеграммой, что

участок остался за ней, директора вызвали в райком партии и строго предупредили. Конечно, так получалось не всегда, чужая душа – потемки. Хорошо, что солдат слово сдержал, не сорвался, не сбежал из части – а такое тоже бывало. Теперь же не нужно было думать и беспокоиться о других, выполняй себе каждый день несложные обязанности, и порядок.

И вот вдруг – этот нежданный звонок человека, с которым действительно случилась большая беда. Упомянутого им Пашу Григорьева Сошников помнил еще замполтехом роты в своем родном автобате, сейчас тот возглавлял в столице крупную транспортную компанию, и они изредка общались по телефону, поздравляя друг друга с днем рождения и двадцать третьим февраля. Искать пропавших людей Сошникову приходилось – и в горных аулах, и в пустынных кишлаках, и в огромных мегаполисах, и в сибирской тайге, но тогда он носил на плечах погоны и за ним стояла вся мощь государства. А чем сейчас отставник способен был помочь подавленному горем отцу? Но и отказать Сошников не мог и теперь смотрел на садящееся за соседние высотки солнце и думал о том, как бы деликатно объяснить незнакомому человеку всю ограниченность своих нынешних возможностей. Когда раздался звонок и он открыл входную дверь, то увидел перед собой высокого седеющего брюнета с усталым небритым лицом и мешками под глазами, одетого в дорогой импортный синий костюм в полоску, белую сорочку,

модный красный галстук и начищенные до блеска черные туфли. Сошников пригласил Лопатина войти, обменялся с ним рукопожатием и провел на кухню.

– Чай или кофе? – первым делом поинтересовался он у гостя.

Лопатин отказался:

– Нет, спасибо. Давайте перейдем сразу к делу.

– Хорошо, – кивнул Сошников, – но хочу предупредить вас сразу: гораздо лучше с вашей проблемой справятся ребята из городского уголовного розыска, поиск пропавших входит в их прямые обязанности.

– Да был я уже в полиции, – усмехнулся невесело Лопатин, – и парень там серьезный занимается этим делом, но он один, а пропавших много, понимаете? Я ведь родился в Южнограде, здесь бизнес свой начинал, а потом уж перебрался в Москву. Начальство из городского УВД знаю неплохо, они не против, чтобы вы подключились к расследованию. А за вознаграждение не беспокойтесь, я для розысков дочки никаких денег не пожалею.

Лопатин достал из кармана пиджака и протянул Сошникову свою визитку, на ней он значился генеральным директором строительно-монтажной фирмы «ПарадизЭкоБилд».

– Но я ведь работаю на машзаводе, – попытался возразить хозяин квартиры гостю.

– С Прохоровым вашим я тоже договорюсь, мы с ним вместе учились в местном университете. Так как, Сергей Лео-

нидович, не откажете?

Сошников пожал плечами:

– Ну, если вы так настаиваете. Ладно, договорились. Слушаю вас внимательно, Юрий Петрович.

Лопатин принялся рассказывать, Сошников изредка задавал вопросы, уточнял. Минут через двадцать общая картина стала ему ясна, и, как всегда, сразу же появилось несколько версий произошедшего. Оксана Лопатина поступила на исторический факультет Южноградского университета после школы без особого труда, через несколько лет родители переехали в столицу, и отец предложил ей перевестись в МГУ, но дочь не захотела покидать родной город и осталась жить с бабушкой, которая два года назад умерла, завещав внучке свою двухкомнатную квартиру в центре. Оксана окончила вуз с красным дипломом и была принята в аспирантуру. В феврале дочь гостила несколько дней у родителей в столице, рассказывала восторженно о своем участии в археологических экспедициях в степях Причерноморья и Нижнего Поволжья, о планируемой поездке летом на остров Крит. А две недели назад ее научный руководитель профессор Свиридов был убит в своем дачном коттедже на окраине города во время попытки ограбления, о чем опечаленная девушка сообщила отцу по телефону. Лопатин тогда не увидел в случившемся никакой опасности для Оксаны – криминальные вторжения на дачи происходят, к сожалению, нередко, порой они заканчиваются трагически для владельцев. Поэтому из-

вестие о том, что дочь ушла в университет позавчера утром из элитного дома с консьержкой на входе и больше никто ее не видел, явилось для предпринимателя настоящим шоком. Лопатин немедленно прилетел в Южноград, посетил УВД и получил заверения, что будет делаться все возможное для организации поисков. Он позвонил деловому партнеру Григорьеву, чтобы предупредить о своем отсутствии в Москве на неопределенное время, и тот посоветовал обратиться к Сошникову.

– Вот и все, пожалуй, – закончил Лопатин. – Что вы об этом думаете, Сергей Леонидович?

Сошников не стал его обнадеживать:

– Все может быть, для каких-либо основательных предположений не хватает фактов. По какому адресу проживает ваша дочь?

– Девятиэтажный кирпичный дом на углу Лермонтовской и Толстого, бывший обкомовский, оттуда до здания исторического факультета два квартала.

– Полиция опросила всех возможных свидетелей ее похищения?

– Почему похищения? – спросил помрачневший Лопатин.

– Оксану вполне могли похитить, например, затолкать силой в автомобиль. Или она попала в ДТП и оказалась затем в реанимации в состоянии комы. Извините, но вам лучше с самого начала быть готовым ко всему.

– Никто ничего подобного не заметил, полицейские про-

шли весь ее привычный путь от дома до университета, говорили с проживающими и работающими в домах на этом маршруте – все без толку. Никаких ДТП в том районе не фиксировалось, в том числе камерами видеонаблюдения. Обзвонили больницы и морги – никого похожего на мою дочь в тот день не привозили.

– Еще один вариант – ей могли позвонить и срочно вызвать куда-то. Оператору мобильной связи запрос делали?

Лопатин кивнул:

– Да, телефон Оксаны в то утро последний раз отследили в пятистах метрах от университета. Потом он оказался вне зоны доступа или выключен.

– С подругами, с коллегами по аспирантуре общались? Что-нибудь необычное в последнее время появилось в ее поведении?

Лопатин покачал головой:

– Да нет, я вчера встретился с ее лучшей подругой и бывшей одноклассницей Татьяной Рощиной. Таня говорит, что Оксана очень переживала из-за убийства своего шефа, а так – все, как всегда. Никаких угроз, никаких проблем.

Сошников задумался, потом спросил прямо:

– Простите за нескромный вопрос, Юрий Петрович, вы ведь человек не бедный?

Лопатин тяжело вздохнул:

– Понимаю, вы о похищении с целью получения выкупа. Да, я не только генеральный директор, но еще и один из

двух совладельцев компании «ПарадизЭкоБилд», человек в самом деле состоятельный, а Оксана – наша с женой единственная и горячо любимая дочь, это ни для кого не тайна. Но предложений от каких-либо шантажистов я до сих пор не получал.

– Прошло не так много времени. Хорошо, пока что у меня нет больше вопросов. Вы можете дать мне контакты того серьезного парня из уголовного розыска? Кстати, как его зовут?

– Капитан Олег Парфенов.

Лопатин продиктовал номер мобильника оперативника, Сошников записал его в память своего аппарата. Прощаясь, его новый знакомый попросил:

– Будут любые новости, хорошие или плохие, звоните в любое время, для нас с женой самое страшное – это неопределенность, хоть она и оставляет каплю надежды.

– Договорились, – кивнул Сошников.

Лопатин уже собрался уходить, но вдруг полез в карман пиджака и вручил Сергею Леонидовичу банковскую карту.

– На ней сто тысяч, на текущие расходы. Тратьте столько, сколько посчитаете нужным. ПИН-код запомнить легко, один-два-три-четыре. Верю в ваш профессионализм, товарищ подполковник!

После ухода Лопатина Сошников долго стоял у открытого окна, курил, думая по привычке, что пора бы бросить, анализировал полученные скупые сведения. Девушка пропала в

центре большого города средь бела дня незаметно для окружающих – это нонсенс, такого просто не может быть. Хотя… Был в его практике случай, когда человека напоили пивом с клофелином на бульварной скамейке, а потом повели под руки к стоявшей неподалеку иномарке. Прохожие решили – перебрал гражданин, с кем не бывает, хорошо, рядом оказались приятели, повезли домой, к жене. Никто не обратил на этот инцидент никакого внимания, обычная история, какие случаются регулярно. И только один наблюдательный подросток сообщил доверительно, что пострадавший был не пьян, а потерял сознание, его фактически не вели, а несли. И марку автомобиля он запомнил, и первые цифры номера, что очень помогло расследованию. В другой раз молодой мужчина, оставив все свои вещи, вышел на станции во время длительной стоянки поезда и в вагон больше не вернулся. Бдительный проводник поднял тревогу, выдвигались самые разные версии, сутки искали его, живого или мертвого. А потом пропавший объявился, и выяснилось, что он зашел в буфет, познакомился там с красивой женщиной, выпил с ней на брудершафт и провел бурную ночь в квартире незнакомки, забыв обо всем. Но Оксана Лопатина, скорее всего, никогда не стала бы пить с кем попало, садиться в чужую машину, уезжать из города, никого не предупредив. Исчезновение ее представлялось Сошникову очень необычным, не имеющим аналогов среди его прошлых дел. Нужно, прежде всего, выяснить, что сумел узнать о происшедшем капитан из уголов-

ного розыска. Вдвоем проблемы всегда решались быстрее и в книгах, как у незабвенных Холмса и Ватсона, да и в реальной действительности. Так или иначе, но случившееся стало для Сергея Леонидовича вызовом. И он его принял.

Из дневника поручика Алексея Стрельцова

Сентябрь 1917 года

В самом начале осени я возвращался в родной город из Бессарабии, получив отпуск по ранению. Фронт еще держался отчаянными усилиями офицерского состава, но дезертирство становилось все более массовым и грозило крахом действующей армии. В медленно идущем поезде солдаты в серых шинелях открыто говорили о мире на любых условиях, необходимости захвата помещичьих земель и грабежа помещичьих усадеб, готовы были поднять на штыки любого, кто мог бы им возразить. Несколько дней назад выступление Корнилова было подавлено силами войск, верных Временному правительству, генерал и его ближайшие соратники оказались в Быховской тюрьме, что вызвало чувства отчаяния и обреченности у тех, кто еще на что-то надеялся. Я старался не думать о будущем, с нетерпением ждал встречи с родителями и друзьями детства. Наш особняк на Большой Покровской улице показался мне в день приезда той тихой обителью, где хотя бы на короткое время можно забыть о войне, революции, митингах и демонстрациях, при-

зывах грабить и убивать. Мой отец, директор мужской гимназии, всегда тяготевший к либеральным взглядам, выглядел подавленным и растерянным. Он успел разочароваться в Керенском, как ранее разочаровался в Гучкове и Милюкове, не верил теперь никому и не ждал ничего хорошего. Мы с мамой и сестрой-гимназистской успокаивали его как могли, но отец часами сидел в своей комнате за письменным столом и бесцельно смотрел в окно, видимо страдая от своей беспомощности и невозможности повлиять на происходящие события. Давно не приходили письма от моего старшего брата Игоря, служившего мичманом на Балтийском флоте, его судьба внушала всем нам большие опасения.

Встреча с Шуркой Нестеровым доставила мне много приятных минут. Меня призвали и направили в школу прапорщиков с третьего курса Московского университета, Нестеров учился, как и я, на историко-филологическом факультете, но был оставлен по причине слабого здоровья. Он приехал в наш южный город этим летом и возвращаться в Москву пока что не собирался. Мы просидели в гостиной комнате квартиры Нестеровых на Сенной улице несколько часов, обсуждали текущую ситуацию на Юге и в Петрограде, где было особенно неспокойно. В разгар горячего спора о судьбе России в комнату вошла сестра Шурки Леля, окончившая в этом году гимназию. Она очень похорошела, и я чувствовал себя по-настоящему счастливым, слушая, как эта очаровательная девушка смеется над моими неза-

мысловатыми шутками и внимательно слушает ответы на свои вопросы о боях на Румынском фронте. Потом мы втроем гуляли в Городском саду, и Шурка уверял, что война скоро закончится, и пройдут выборы в Учредительное собрание, а уж оно-то определит форму государственного устройства в соответствии с волей народа. Наивные юношеские мечты, ни на чем не основанные, как мне кажется. Грядет новая революция, новая война, боюсь, что это неизбежно. Но мне в эти минуты было не до политики, я видел рядом с собой замечательную светловолосую девушку с длинной косой, слышал ее мелодичный голос, ощущал ее «легкое дыхание», которое рассеивал по саду и серому грустному небу «холодный осенний ветер». Трагический образ героини печального и поэтичного рассказа Бунина стоял у меня перед глазами, и я мысленно молил Бога уберечь Лелю от грядущих бед и невзгод.

А вечером, дома, отец познакомил меня со своим гостем, профессором недавно открытого у нас в городе университета Иваном Павловичем Салтыковым. Дородный, статный, с седеющей головой и окладистой бородой, как у императора Александра III, он с первых минут стал называть меня коллегой, так как заведовал кафедрой истории Древнего мира. Предложение Салтыкова принять участие в раскопках кургана за хутором в десяти верстах от города сразу меня заинтересовало. Вся археологическая экспедиция состояла пока что из него самого и двух студентов, лишние руки бы-

ли им весьма кстати. Отрешиться хоть на несколько дней от нашего беспокойного времени, пожить в казачьем курене, надышаться вдоволь свежим ковыльным воздухом, чистым и прозрачным…

Я согласился и уже следующим утром, лежа на застеленной соломой телеге, направлявшейся в сторону затерянного в бескрайней степи хутора, смотрел на небо, ставшее бледно-голубым, как на средневековых итальянских фресках.

5

Заседание кафедры истории Древнего мира должно было состояться в три часа дня. Кандидат наук, доцент Николай Семенович Звонарев, исполняющий обязанности заведующего, часом ранее был приглашен к декану факультета для доверительной беседы. В просторном кабинете Александра Игоревича Красносельского он бывал до этого всего пару раз, все вопросы организации учебного процесса решал покойный профессор Свиридов – еще не старый, энергичный, остроумный, пользующийся уважением коллег и студентов, автор ряда научных монографий, которые обильно цитировались в отечественных и зарубежных публикациях. Красносельский, невысокий плотный блондин, недавно отметивший пятидесятилетний юбилей, поднялся навстречу Звонареву и крепко пожал ему руку со словами:

– Присаживайтесь поудобнее, Николай Семенович, разговор у нас будет обстоятельный. Прежде всего, как чувствуете себя на новом посту?

Звонарев усмехнулся:

– Полноценно заменить Виктора Антоновича невозможно, как вы понимаете, но я делаю все, что могу.

Красносельский постарался изобразить на лице приличествующую моменту скорбь, которая нисколько не ввела в заблуждение его собеседника, Звонарев отлично знал о посто-

янных конфликтах декана и покойного завкафедрой.

– Вы правы, – после некоторой паузы произнес Красносельский, – университет, да и вся наша историческая наука понесли невосполнимую утрату, но жизнь продолжается, мой дорогой, жизнь продолжается. Вашу встречу с коллективом кафедры предлагаю провести позднее, я сам хочу выступить на ней. Но сейчас главное – не утратить достижений незабвенного Виктора Антоновича и в то же время изменить кое-что в соответствии с веяниями времени.

Последние слова декан проговорил, как бы намекая на нечто, давно известное Звонареву. Но тот сделал вид, что намека этого не понял, и спросил:

– Что вы подразумеваете под веяниями времени, Александр Игоревич?

– Я подразумеваю, Николай Семенович, что профессору Левченко давно пора написать заявление об увольнении по собственному желанию, – с некоторым раздражением в голосе произнес Красносельский. – Ему ведь уже хорошо за семьдесят, не так ли?

– Семьдесят шесть, – уточнил Звонарев. – Но Левченко – прекрасный преподаватель, его лекции пользуются по-прежнему большой популярностью, и аудитории, в которых он выступает, всегда наполнены до отказа.

– И все же – необходимо омолаживать кадры, шире привлекать талантливых людей, освоивших современные технологии удаленного представления знаний, – назидательно за-

явил декан. – Вам самому, Николай Семенович, пора подумать о докторской диссертации, я читал вашу последнюю статью в «Историческом вестнике», материал очень интересный. Администрация и ученый совет окажут всяческое содействие.

– Спасибо, Александр Игоревич, – сдержанно поблагодарил Звонарев, – я об этом подумаю. А что касается профессора Левченко – прошу дать мне право решать, востребован ли он как ученый и педагог.

– А вы принципиальны, – рассмеялся декан, – ну да ладно, вернемся к этому вопросу позднее. Не смею более задерживать, Николай Семенович.

Попрощавшись, Звонарев вышел из кабинета декана и посмотрел на часы. Так, половина третьего, нужно оповестить коллег о переносе заседания по электронной почте, и можно после этого заняться подготовкой новой статьи. Николай Семенович, бывший на двенадцать лет моложе шестидесятидвухлетнего профессора Свиридова, не обладал его научной эрудицией, но докторскую, как предлагал декан, вполне мог защитить. Направление представлялось весьма перспективным – изучение артефактов и аналитическое исследование взаимоотношений древних славян и кочевых народов Великой степи, от хазар до половцев. Покойный Виктор Антонович занимался более отдаленными событиями, его увлекали со студенческих лет деяния скифов и легендарных киммерийцев, так что научные интересы профессора и доцента

почти не пересекались, отношения между ними можно было вполне охарактеризовать как дружеские, хотя дружбы-то настоящей как раз и не было.

Однако память Свиридова новый заведующий кафедрой не хотел пачкать всевозможными грязными слухами, хотя оснований для них было более чем достаточно. Да, у овдовевшего недавно профессора возникла любовная связь с незамужней аспиранткой, они ее особо и не скрывали. Ну и что? Гораздо скандальнее выглядела в свое время история, случившаяся с самим Звонаревым. Семь лет назад он потерял голову и заодно репутацию от одного вида первокурсницы Анны, приехавшей в столицу из небольшого райцентра Рязанской области. Как писал о своей Анне знаменитый тезка и любимый поэт Гумилев: «…я взял не жену, а колдунью…».

Да, обворожила, околдовала, заставила забыть о семье, о сыне, о некогда любимой, но рано постаревшей и подурневшей жене. Что это было – любовь, страсть, безумие? Пришлось уехать из Москвы в незнакомый Южноград, сменить столичный пединститут на провинциальный университет, начать здесь все сначала с молодой Анечкой, порой капризной и взбалмошной, но по-прежнему такой «обожаемой и желанной», как пелось в одном почти забытом шлягере.

И тогда на кафедре его приняли без каких-либо слов осуждения, Свиридов строго придерживался правила: личная жизнь сотрудников не подлежит обсуждению. Анна пе-

ревелась в местный педагогический, но после его окончания в школу работать не пошла, а окончила краткосрочные курсы по маркетингу и устроилась менеджером в рекламное агентство. Бывшая жена и сын-подросток вычеркнули его из своей памяти, и Звонарев с этим смирился – сам заслужил. Сначала переживал, каялся, потом старался просто не думать о случившемся.

Звонарев давно смирился с тем, что большого ученого из него уже никогда не получится. Некоторые бывшие сокурсники преуспели: кто-то участвовал по сей день в международных археологических экспедициях, кто-то публиковал одну за другой научно-популярные книги, кто-то занялся общественно-политической деятельностью, регулярно появлялся на телевизионных экранах. Суета сует и всяческая суета. Николаю Семеновичу все это теперь было не интересно, его честолюбие рассеялось как дым. Однако – «ученым можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан». Так шутили в годы его молодости, однако для уверенной и долгосрочной работы на новой должности важно было стать доктором наук. И тему для докторской диссертации он давно нашел.

6

Утром Сошникову позвонил начальник и сообщил, что Сергей Леонидович может считать себя с сегодняшнего дня в двухнедельном отпуске, «документы я подготовлю, потом подпишете». Это решение подтверждало статус Лопатина среди городских руководителей как человека уважаемого и влиятельного, просьбу которого выполнили незамедлительно. Потом сам Сошников набрал номер мобильника сотрудника уголовного розыска, и капитан Парфенов предложил встретиться и поговорить в неформальной обстановке в Октябрьском сквере, у фонтана. Сквер находился в одном квартале от здания, где когда-то заседала городская дума, а теперь располагались областное и городское управления внутренних дел. До революции он назывался Коммерческий сад, служил местом отдыха местных купцов, судовладельцев и фабрикантов, приезжих помещиков и коммивояжеров. В центре сада шумел вечерами лихой кафешантан «Ницца» с певичками и танцорками, тут можно было выпить шампанского, закусив его черной паюсной икрой, и насладиться французским бесстыдным канканом. При советской власти кафе превратилось в рабочую столовую, потом ее снесли и на этом месте открыли летний кинотеатр, который в конце девяностых превратился в платную автостоянку. На скамейке у фонтана отставного подполковника ожи-

дал загорелый худощавый парень в дорогих солнцезащитных очках, в джинсовом костюме, светлой футболке и модных фирменных кроссовках.

– Наслышан, в какой конторе вы служили, Сергей Леонидович, так что помощь ваша будет очень полезна, у меня ведь сейчас еще пять пропавших без вести в разработке имеется. Как говорится, ушли из дома и не вернулись.

– Но в качестве кого я буду участвовать в вашей разыскной операции, Олег? – решил с самого начала уточнить свой статус Сошников.

– Да не вопрос, я уже договорился со знакомыми из частного детективного агентства «Префект», его один наш бывший товарищ возглавляет. После беседы смотаемся к ним, это недалеко, вас временно оформят сотрудником и корочку выдадут соответствующую. Если что – действуете совместно с угрозыском, я всегда смогу подтвердить. Устроит вас такой вариант?

– Вполне, – кивнул Сошников, – а теперь я готов и по существу поговорить.

– Можно и по существу, – согласился капитан. – Значит так, пропала Оксана Лопатина четыре дня назад, между восемью и половиной девятого утра, на привычном своем маршруте Лермонтовская, дом сто сорок, – площадь Знаний, дом номер один, то есть между местом своего постоянного проживания и зданием, в котором находится исторический факультет Южноградского университета. Тревогу

подняла вечером консьержка, когда девушка не вернулась в обычное время в свою квартиру, а ее внедорожник оставался на стоянке перед домом с вечера накануне. Участковый выяснил, что до университета Оксана в то утро так и не дошла, со следующего дня мы с ним начали поиски и весь этот путь прошли несколько раз, опросили, кого только можно, посмотрели записи с камер видеонаблюдения банка и ювелирного магазина. Так вот, Оксана мимо банка прошла, это на Лермонтовской, дом сто сорок восемь, а в объектив камеры ювелирного магазина на перпендикулярном к этой улице переулке Суворова, дом шесть, не попала. То есть не свернула девушка с Лермонтовской на Суворова, а это ее привычная и самая короткая дорога до универа.

– Почему же, по-вашему, не свернула?

Вопрос Сошникова не стал для Парфенова неожиданным.

– Да, это очень важно понять – почему. Честно скажу, Сергей Леонидович, версий у меня поначалу появилось только две, если отбросить НЛО и прочую туфту. Или Лопатина тем утром и не собиралась в универ, а пошла дальше по Лермонтовской в сторону площади Искусства, или между банком и ювелирным магазином она села в автомобиль, добровольно или по принуждению.

– И как думаете проверять свои предположения?

– Одно уже проверил. В пятиэтажке по адресу Лермонтовская, сто пятьдесят два, также установлена на первом этаже видеокамера, там расположен дорогой ресторан. Так вот,

появление Оксаны камера не зафиксировала.

– Значит, все-таки автомобиль?

– Скорее всего. Вчера вечером нашли одну пенсионерку, она утверждает, что заметила, как в интересующее нас время какие-то люди садились как раз на углу Лермонтовской и Суворова в автофургон серебристого цвета. Но она плохо видит, находилась от пересечения этих улиц на расстоянии пятидесяти метров, так что даже не разглядела внешний вид, возраст и пол садившихся. Номер и марку фургона тоже не разобрала, разумеется.

– Серебристый автофургон – это уже кое-что, вы молодец, Олег.

– Спасибо, Сергей Леонидович, но вы сами понимаете, сколько в Южнограде автофургонов, как донов Педро в Бразилии, его ведь могли быстро перекрасить. Да и вообще – из нашего ли он города? Конечно, мною предприняты все необходимые в таких случаях действия. Фотография Оксаны Лопатиной разослана по всем отделениям полиции в Южнограде и области, листовки с этим снимком вывешены на стендах на железнодорожном, автобусном и речном вокзалах, а также в аэропорту. Ищем и автофургон. Я проехался с отцом пропавшей по больницам скорой помощи и моргам, никого похожего на Оксану в последние дни не поступало. Подключили волонтеров и участковых, оповестили коллег в райцентрах. Но это до сих пор не дало никаких результатов. Судя по всему, девушку похитили, уехала бы сама куда-то спонтанно

– давно бы объявилась. Однако и требований от похитителей не поступало. Пока глухо, к сожалению. Если это похищение, то Оксану, скорее всего, прячут в подвале отдельно стоящего строения, на заброшенном заводе или складе, в гараже или в сарае. Менее вероятно – в квартире многоэтажного дома. Но где именно – пока что ума не приложу.

Сошников кивнул с пониманием – да, такое часто бывает, все в тупике, однако других методов поиска исчезнувших людей не придумано, Парфенов четко действовал по отработанному стандарту.

– А вы не пробовали связать исчезновение Оксаны с убийством ее научного руководителя? – спросил он оперативника.

– Как же, говорил я с коллегами из убойного отдела. Коттедж покойного профессора стоит на самом краю охраняемого дачного поселка, но забор там невысокий, а здание не оборудовано сигнализацией и видеокамерой. Преступники, судя по всему, оставили свою машину на шоссе неподалеку, перелезли через забор и взломали входную дверь. В последнее время Свиридов редко посещал дачу, видимо, они следили за ним и установили этот факт. Но в ту ночь профессор оказался в коттедже, скорее всего, проснулся и оказал сопротивление грабителям, но был ими безжалостно убит.

– Как именно убит?

– Ему проломили череп чем-то тяжелым, видимо ломом, арматурой или кастетом.

– Из коттеджа что-то похитили?

Капитан усмехнулся:

– Представьте себе – ничего! Отпечатков пальцев из базы данных МВД в доме не обнаружено, собака след взяла, но довела опергруппу только до шоссе. Наверное, они испугались, что охрана поселка что-то услышит, и поэтому быстро сбежали с места преступления и скрылись на автомобиле.

– Или искали что-то особенное и не нашли, – высказал свое предположение Сошников.

Парфенов скептически улыбнулся и возразил:

– Да что они могли такого особенного искать? Свиридов никогда не совершал ничего криминального, он регулярно участвовал в археологических раскопках, но все добытые из-под земли ценности передавал в государственные музеи, так что золотых или серебряных вещей в коттедже быть не могло. Были картины, возможно, ценные. Но их не взяли.

– Странно, – удивился Сошников. – Что еще важного вы сумели узнать?

– Моя основная версия – похищение с целью последующего шантажа отца девушки, так что следует ожидать выход преступников на Лопатина с требованием выкупа, он в этом случае обещал сразу позвонить мне. Какой-то связи с нападением на коттедж и убийством Свиридова я не вижу, честно говоря, никаких фактов для такого предположения нет. Но есть еще один возможный мотив. Ребята из убойного выяснили, что у покойного профессора был роман с пропавшей

аспиранткой, причем дело шло к свадьбе. При таком развитии событий могли пострадать финансовые интересы родного сына Свиридова – Дениса, то есть после смерти отца он не получил бы все наследство, часть досталась бы молодой вдове. А в результате гибели Виктора Антоновича, не оставившего завещания, Денис оказался единственным наследником трехкомнатной квартиры, коттеджа и солидного банковского счета.

– То есть согласно этому предположению, Свиридов-младший организовал попытку ограбления или даже лично участвовал в нем и убийстве отца? Он что, такой вот настоящий монстр?

– Вовсе нет, нормальный парень, из армии уволился сержантом, сейчас работает охранником. Он очень переживает смерть отца и предшествующую ссору с ним, думаю, вполне искренне переживает. Да и зачем было Денису похищать Лопатину, если до свадьбы она не могла претендовать на имущество профессора? Хотя алиби на это время в тот день у него нет, утверждает, что отсыпался дома после ночной смены.

Сошников задумался. Причастность профессорского сына к обоим преступлениям или даже к одному из них представлялась маловероятной, но чужая душа – потемки, окончательно исключать Дениса Свиридова из числа подозреваемых пока что не следовало.

– Я хочу пообщаться с близкими друзьями и знакомыми

Оксаны. Кого вы порекомендуете?

Парфенов ответил не задумываясь:

– Лучшая подруга – Татьяна Рощина, бывшая одноклассница, сейчас работает в областной газете после окончания журфака. Ставший вместо Свиридова заведующим кафедрой в универе Николай Семенович Звонарев хорошо знал и профессора, и Оксану Лопатину. Я с ними уже беседовал при личных встречах, телефоны вам сброшу по СМС, диктуйте свой номер.

Сошников назвал десять цифр и поинтересовался, какое впечатление произвела на оперативника молодая журналистка. Парфенов пожал плечами:

– Да нормальное впечатление, никакого негатива. Татьяна выглядела очень расстроенной исчезновением подруги, подробно ответила на все мои вопросы. Доцент Звонарев вел себя сдержанно, об отношениях погибшего и аспирантки говорить не захотел, Свиридова характеризовал как видного ученого и порядочного человека. Скорее всего, и он, и Рощина ничего не скрывали. Но мне интересно ваше мнение, так что жду звонка с комментариями.

– Договорились. Давайте регулярно обмениваться новыми фактами.

– Конечно, Сергей Леонидович, только так. А сейчас едем в детективное агентство.

7

Господин Петерсен в конце апреля направился в автомобильное турне по России. Он получил три предложения от своих постоянных поставщиков и одно от нового партнера, с которым познакомился во время предыдущей поездки и затем общался в Интернете. Последний обещал представить киммерийские сокровища, которые заказал загадочный мистер Винтер из Йоркшира. Первым в списке посещаемых городов значился Санкт-Петербург. Петерсен добрался до этого города от границы с Финляндией за три часа. Он остановился в отеле на Невском проспекте, а вечером спустился в метро на станцию «Маяковская». Через двадцать минут датчанин уже прогуливался по набережной Васильевского острова. Было пасмурно, с Невы дул холодный ветер. Когда Петерсен поравнялся с фигурами каменных сфинксов, из стоявшего неподалеку автомобиля вышел высокий мужчина в серой куртке с капюшоном. Он подошел к антиквару, крепко пожал ему руку и сказал на вполне приличном английском:

– Рад видеть тебя, Карл. Как ты добрался?

– Без проблем, Юрий. Как ты поживаешь?

– Тоже неплохо.

– Где картина?

– У меня в квартире, в двух кварталах отсюда, если помнишь.

– Помню, конечно. Твои жена и сын дома?

– Нет. Мы недавно развелись, они с сыном живут у ее матери.

– Жаль. Но для конспирации это не так уж плохо. Я готов посмотреть.

– Тогда садись в машину.

Десять минут спустя они вошли в двухкомнатную квартиру в старом пятиэтажном доме. Юрий проводил гостя на кухню, включил электрический чайник.

– Будешь пить растворимый кофе? – спросил он.

Петерсен чуть поморщился и отрицательно покачал головой.

– Я не пью кофе вечером, только до полудня, – объяснил он.

– Ну а я согреюсь немного, – усмехнулся русский.

Он насыпал большую ложку коричневого порошка из металлической банки в стакан, залил туда кипяток, потом добавил бренди из стоявшей на кухонном столе открытой бутылки.

– Уверен, ты будешь доволен, – сказал Юрий.

– Может быть. Показывай.

– Сейчас, сейчас.

Хозяин квартиры выпил кофе с алкоголем, потом вышел и через минуту вернулся с холстом. Юрий развернул на столе полотно, на котором был изображен пейзаж – лес и река на фоне темнеющего неба. Петерсен достал из кармана лупу

с подсветкой, склонился над картиной и долго ее рассматривал. Потом он тихо спросил:

– Так ты утверждаешь, мой друг, что это творение Шишкина?

– Именно так, Карл. У меня есть заключение известного эксперта.

– Ерунда, друг мой. Тебя обманули. Или ты хочешь обмануть меня. Это не может быть картиной Шишкина. И знаешь, почему? Этот холст произведен не позднее середины прошлого века. Я так же уверен в этом, как в том, что родился в Копенгагене. Извини, но нам больше не о чем говорить. Прощай.

Не слушая оправданий хозяина квартиры, Петерсен вышел на лестничную клетку и стал спускаться вниз. Он знал Юрия еще с девяностых годов. Тот как раз окончил Академию художеств и сам написал несколько интересных полотен в стиле маринистов. Петерсен купил две из них. Потом Юрий продавал ему работы художников-передвижников, русский авангард двадцатых годов. Но теперь на дальнейшем сотрудничестве можно было ставить крест. Видимо, парень всерьез пристрастился к спиртному. Потому и жена от него ушла. Юрий пытался продать ему сегодня откровенную подделку. И эта была их последняя встреча.

Через час Петерсен встретился с другим своим давним знакомым. Это был вальяжный старик с бородкой, много лет проработавший реставратором в городских музеях. В своей

небольшой квартирке на Шпалерной улице продавец предложил две редкие старинные золотые монеты, которые, без сомнения, были подлинными. Эта сделка прошла удачно для обеих сторон, а потом датчанин, отсчитывая наличные евро, вдруг спросил:

– А вы, господин Горский, могли бы предложить мне что-нибудь из музейных запасников, например старинные гравюры или камеи?

Реставратор решил, что ослышался, и с удивлением переспросил:

– Вы хотите сказать – украсть?

– Не придирайтесь к словам, – засмеялся Петерсен, – украсть, позаимствовать, достать, добыть… То, что вы мне только что продали, – это ведь тоже незаконно полученные ценности, не правда ли? Я вам очень хорошо заплачу, господин Горский, вы до конца своих дней будете обеспеченным человеком.

– Я продал вам монеты из коллекции моего покойного дяди, он завещал мне все свое имущество. А воровство из музеев – для меня это неприемлемо, я честный человек и не хочу оказаться за решеткой.

– Запасники проверяют редко, часто картины годами пылятся на стенах и стеллажах, доказать вашу вину будет невозможно, а вы хорошо заработаете. Впрочем, если вы не хотите…

Павел Ильич Горский несколько минут молчал, а потом

прошептал в раздумье:

– Да, мне нужны деньги, и немалые, смерть близка, хочется не прозябать, а пожить в свое удовольствие напоследок. А честное имя – оно ведь мало что стоит.

– Так вы согласны? – усмехнулся Петерсен.

Горский посмотрел на него удивленно, чувствуя, что какая-то неведомая сила вынуждает его переступить черту, которую он никогда ранее не переступал.

– Да, я согласен, – сказал старый реставратор, – к вашему следующему приезду я смогу предложить кое-что стоящее.

– Тогда до новой встречи, – холодно произнес датчанин, – а напоследок я готов немедленно вручить вам аванс. Чтобы вы не передумали потом, уважаемый господин Горский.

8

Георгий Горецкий проснулся рано утром и уже не мог заснуть, долго ворочался в постели, а потом встал и пошел на кухню готовить холостяцкий завтрак. Последние дни он пребывал в состоянии постоянного стресса, тревожного ожидания каких-то малоприятных, даже опасных для себя событий. Жизнь Горецкого, высокого красавца-брюнета с атлетической фигурой, эрудита, отличника, капитана команды КВН истфака, резко изменилась пять лет назад, когда приятель-однокурсник попросил Гошу передать небольшую посылку своему знакомому в Геленджике. Дело было летом, Горецкий собирался позагорать пару недель на пляже и поплавать в ласковой июльской воде Черного моря. Приятель пользовался дурной репутацией, и не следовало на его просьбу соглашаться, но Гоша оказался в тот момент на финансовой мели, а за услугу получил авансом двести долларов. В курортном городе его задержали, и оказалось, что в посылке находилось несколько коробок с ампулами обезболивающего на основе морфия. На суде нанятый Гошиным отцом-предпринимателем адвокат сумел добиться для своего подзащитного минимального трехлетнего срока, но живущие в Астрахани родители Горецкого с этого времени общаться с ним перестали, обратив все свое внимание на младшего сына. Отец в их последнем разговоре заявил, что с него

хватит.

Действительно, несколько раз Горецкий-старший спасал Гошу от карточных долгов и предоставлял ему крупные суммы, которые никогда не возвращались. Сын клялся, что больше такое не повторится, но потом снова навещал родительский дом с единственной просьбой: «дайте денег». Приговором Гоша был подавлен, он прекрасно понимал, что даже после окончания срока жизнь его никогда не станет прежней. Но какие-то надежды все-таки оставались, верилось в чудо – авось обойдется. В колонии Гоша устроился работать в библиотеку, дисциплину и строгий распорядок старался никогда не нарушать и вообще «встал на путь исправления», в итоге добился через два года УДО. Однако, вернувшись в Южноград, он быстро понял, что получил навсегда «черную метку» и восстановиться в университете у него не получится. Да и нужно было зарабатывать на жизнь. Горецкий уже решил податься на сельскую стройку, где постоянно требовались умелые рабочие руки и не слишком придирчиво смотрели на наличие судимости, но тут случайно встретил на автовокзале Аркадия Евгеньевича Лонского. Тот когда-то вел у них занятия по английскому языку, но несколько лет назад уволился и занялся каким-то непонятным бизнесом. Лонской Гошу приветствовал с большим воодушевлением, посетовал на несчастливое стечение обстоятельств, приведшее красивого умного парня на скамью подсудимых, и тут же предложил отметить встречу в грузинском ресторане по со-

седству. После того как было выпито две бутылки киндзмараули и съедено несколько порций шашлыка и хинкали, Аркадий Евгеньевич заметил, что ехать Горецкому на степную стройку «не есть хорошо».

– Вам, Георгий, с вашими способностями к языкам, знанием истории и искусствоведения, с вашим прирожденным обаянием, необходимо найти другую сферу получения дохода. Поймите, у каждого человека бывают взлеты и падения, это как синусоида. Или зебра. Тривиальная истина, но неоспоримая. Поверьте мне, пройдет несколько лет – и вы с улыбкой будете вспоминать минуты, когда решили заняться тяжелым физическим трудом за низкую зарплату. И еще. Колония, как это ни парадоксально звучит, да и вообще вся эта история стала для вас дополнительной школой жизни. Никому нельзя верить, всегда надо опасаться подвоха, провокации, обмана, того, что на нынешнем новоязе называется грубым словом «кидалово». Это полезно в бизнесе, тут тоже хватает желающих обмануть, смошенничать. И таких людей необходимо быстро распознавать. Повторяю, вам нужно заняться серьезным, соответствующим вашим способностям делом. И я могу вам в этом посодействовать, – витиевато вещал бывший вузовский преподаватель.

Невысокий и невзрачный, застенчивый, скромно одетый и неприметный в недавнем прошлом, ныне Лонской выглядел совсем по-другому: он сильно располнел, что придало коммерсанту солидности, носил сшитый на заказ шерстяной ко-

стюм и богемную бабочку вместо традиционного галстука, держался с важным видом и высоко поднятой головой, словно прибавив в росте, на официантов поглядывал надменно и снисходительно, но главное – его швейцарские наручные часы стоили очень немалых денег и указывали на высокий социальный статус владельца. Горецкий осторожно поинтересовался, что конкретно имеет в виду Аркадий Евгеньевич.

– Да ничего криминального, если вы об этом, – рассмеялся Лонской. – Что вы, Гоша, разве я пошел бы на такие заморочки, да никогда! Объясняю – мне посчастливилось получить небольшое наследство, и я открыл антикварный салон. Это, конечно, не нефтяная скважина и не золотой прииск, но жить можно, уж вы поверьте. Дело в том, что мой покойный отец был в советское время директором комиссионного магазина, а это те же принципы коммерции. Берешь у одних клиентов на реализацию какие-нибудь старинные вещи и находишь на них покупателей, то есть других клиентов. А кроме того, выступаешь дилером у крупных столичных торговцев, выполняешь функции посредника для иностранных антикварных магазинов и частных коллекционеров, ведь за границей в этом бизнесе крутятся громадные деньги. Многое предлагается сейчас через Интернет, такое вот отдельное направление. Короче, мне нужен в штат толковый парень вроде вас. Я – владелец и директор салона, вы – менеджер по продажам, есть еще бухгалтер-совместитель и кассир, очень милые интеллигентные женщины. Согласны?

– А кто занимал эту должность раньше и почему она оказалась вакантной? – засомневался Горецкий.

Лонской поморщился и ответил нехотя:

– Да был один скользкий тип, но он оказался нечист на руку, и я его быстренько уволил. Значит так, Гошенька, я два раза предлагать не буду. Решайте сразу – да или нет, чего резину тянуть.

– Убедили, Аркадий Евгеньевич, – улыбнулся Горецкий.

И он не жалел о своем решении – до самого последнего времени. Помещение салона было взято Лонским в аренду в крупном торговом центре «Запад-Плаза», посещали его охотно, бухгалтер Елена Сергеевна и кассир Маша работали профессионально и встретили нового сотрудника вполне доброжелательно. Принципы купли-продажи оказались и в самом деле простыми и понятными, а четыре полных курса исторического факультета обеспечили Гоше надежную основу для успеха на новом поприще. Горецкий быстро научился определять истинную ценность того или иного предмета старины, будь то дуэльный пистолет времен «Героя нашего времени», античная монета с профилем царя Митридата VI или книга издательства Сытина, напечатанная в конце XIX века. Главное заключалось в том, чтобы купить подешевле, а продать подороже, только и всего. Часто предлагающие свои вещи об их реальной рыночной стоимости не имели никакого представления, и это сулило хороший «навар», как любил говаривать Лонской. Порой в салоне, ко-

торый Гоша мысленно называл «лавкой древностей», появлялись сомнительные личности, приносящие предметы, явно добытые незаконным путем из многочисленных степных курганов. Поначалу Горецкий не хотел иметь с «черными копателями» никаких дел, но Лонской убедил его, что доказать первичное происхождение артефакта дело весьма непростое.

– Если клиент говорит, что некая сабля досталась ему от прадеда, а тот в свою очередь получил ее от своего предка, сражавшегося под началом Стеньки Разина или Емельки Пугачева, – почему мы не должны ему верить? – назидательно заявлял Аркадий Евгеньевич.

Гоша не стал спорить, на душе у него было неспокойно, но и терять доходное место совсем не хотелось. Впрочем, обычно с такими клиентами работал сам Лонской. Он заводил их в свой небольшой кабинет, секретничал о чем-то, а потом провожал до выхода, шепча что-то на ходу. Горецкий решил, что в случае чего будет упорно стоять на том, что он ничего не знал о противозаконных действиях хозяина. При этом бухгалтерия в салоне велась строго в соответствии с налоговым законодательством, выплачивалась «белая» зарплата, все соответствующие проверки проходили почти без замечаний, девизом Лонского являлся известный слоган «уплати налоги и спи спокойно». События, все-таки смутившие покой Горецкого, начались месяц назад, когда в салон зашел профессор Свиридов. Виктор Антонович в свое время привлекал Гошу к участию в археологических экспедициях,

предлагал поступать после получения диплома в аспирантуру, но с тех пор прошло много времени, и Горецкий поначалу растерялся при виде своего несостоявшегося научного руководителя. Удивлен был и профессор, но повел он себя деликатно, словно забыв обо всех обстоятельствах, заставивших перспективного студента прервать учебу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.